

АФИША ВЫСТАВКИ

Йозеф Крихубер. «Портрет князя Алоиза фон Лихтенштейна с дочерью Марией-Франциской», 1835 год

Дамские аксессуары, около 1840–1850-х годов

Серебряное блюдо со сценой охоты, около 1830 года

Интерьер Музея бидермейера в Берлине

Кабинет, 1826 год

Фердинанд Георг Вальдмюллер. «Материнское наставление», 1850 год

Петер Фенди. «Посещение монахини», 1838 год

из них назвать целую художественную эпоху. Австрийский император (а им был в это время Фердинанд I) тоже не годился: опять-таки неудобно называть стиль по имени слабоумного монарха, который свою державность показывал, например, грозными восклицаниями по поводу того, что ему не подали любимых фруктовых кнедлей: «Я же император, я требую кнедлей!»

Еще это было время Священного союза, братства европейских государей, в самых высокопарных выражениях клявшегося блюсти христианское единomyслие и давить гидру революционного вольнодумия. Но, откровенно говоря, простой гражданин тех же германских государств успел уже порядком устать от войн, тянувшихся добрую четверть века, и от напыщенной героики, свойственной предшествовавшему времени. Он слишком откровенно, почти ребячески наслаждался миром и покоем. Кто-то там что-то блюдет, кого-то давит — но это далеко, это большие люди, куда нам до них? У нас семьи, дети, лавки.

То есть в чести были, с одной стороны, вполне исконные немецкие добродетели — основательность, семейственность, патриархальность; но все же это была патриархальность с налетом нового времени. Бюргеры быстро богатели, им хотелось жить в уютных домах, ходить в модной одежде и вообще пользоваться всеми теми бытовыми благами, которые еще несколько десятков лет назад для них в массе были не особенно достижимы. Но при этом они не стремились к тому, чтобы рабски копировать быт, скажем, их французских коллег, у них были свои идеалы.

Если посмотреть, допустим, на типичные интерьеры того времени, то окажется, что бидермейер — это такой облегченный извод неоклассики, чрезвычайно упрощенная версия ампира, что называется, для домашнего употребления. Не залы, а комнаты; не роскошь, а уют и практичность, и уж точно никакой потребности ощущать себя древнеримскими героями — еще чего. Что-то ампирное чувствуется только

в пропорциях, в иных линиях, в той прохладной педантичной строгости, с которой интерьеры выстроены (это не какая-нибудь там поздневикторианская лондонская гостиная, заставленная креслами, диванами, тумбочками и кадками). Но декора куда меньше, да и мебель как-то спокойнее, фундаментальнее и простодушнее. И понятно, какая живопись должна висеть в таких интерьерах. Никаких богов, героев, баталлий, бурь — милые жанровые сценки, чинные портреты, иногда изображения интерьеров же: все очень часто и без претензий на серьезную проблематику.

Само собой, когда весь этот приватный мирок обозвали бидермейером, в этом не было ничего, кроме презрения, — изобретатели термина смотрели на вещную атмосферу бидермейера где-то так же, как авторы современных интерьерных журналов смотрят на румынские гарнитуры-стенки, настенные ковры с пейзажами и календари с котятками. Теперь к бидермейеру отношение более теплое: вспомнили,

что далеко не все в нем сводилось к мещанству в худшем смысле этого слова, что, скажем, песни Шуберта — это порождение той же эпохи и той же среды и что краснодеревщики бидермейера в своей погоне за чистой линией и практичностью иногда создавали довольно изысканные вещи (изысканные, конечно, не с точки зрения ампира, а с точки зрения, допустим, ар-деко). Неудивительно, что в современных музейных экспозициях бидермейер показывают вовсе не на правах курьеза, и ГМИИ им. А. Пушкина вправе гордиться тем, что он заполучил на выставку столь представительную коллекцию этого искусства. Кстати, вопреки мелкобуржуазной репутации бидермейера, коллекция эта самая что ни на есть аристократическая: она прибыла в Москву из личного музея князя Лихтенштейна — единственного монарха в германском регионе, чье маленькое государство сохранилось как раз с тех самых бидермейеровских времен.

ГМИИ им. А. Пушкина,
с 15 сентября по 15 ноября